

Королева Вера Владимировна

д-р филол. наук, доцент, заведующая кафедрой

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный

университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»

г. Владимир, Владимирская область

ЛОКУС «ЛЕС» В РАССКАЗЕ Л. АНДРЕЕВА «БЕЗДНА» (1900)

Аннотация: в статье рассматривается локус «лес» в рассказе Л. Андреева «Бездна», который состоит из следующих лексико-семантических подлокусов: холм, роца, застава, овраг, бугор, яма, поле, поляна, ров, канава.

Локус «лес» включает в себя локус «дорога» и в рассказе является замкнутым со своими временными и пространственными законами, в которых животное начало в человеке побеждает культурное. Семантика локуса «лес» у Л. Андреева связана с концептами «день» – «ночь»: днем лес имеет положительные коннотации и ассоциируется с раем, а ночью – отрицательную и символизирует ад (бездну).

Ключевые слова: Л. Андреев, локус «лес», подлокус, контраст, оппозиция день-ночь, верх-низ.

В последние годы в филологии стало актуальным обращаться к таким пространственным компонентам как локусы (термин Ю. Лотмана) и топосы, которые были теоретически осмыслены в работах В.П. Океанского, А.Г. Масловой, В.Ю. Кузминой и др. Изучение этих понятий в контексте конкретного произведения помогает открывать новые коннотации у традиционных понятий.

В.Ю. Прокофьева дает следующие характеристики локусу – «это образ пространства в художественном мире произведения, ... имеющее границы; это определенное место, к которому твердо приурочен какой-то герой, и попадание героя в данное место автоматически означает включение его в новую конфликтную ситуацию. «Локусом» ... нужно называть образ закрытого пространства, место действия в сюжете и композиции художественного текста» [Прокофьева: 2005, 87–89].

Именно таким локусом является «лес» в рассказе Л. Андреева «Бездна». Лес (роща) – это место действия, где разворачиваются трагические события. В начале рассказа герои, погруженные в беседу, оказываются перед рощей: «Уже кончался день, а они двое все шли, все говорили и не замечали ни времени, ни дороги. Впереди, на пологом холме, темнела небольшая роща» [Андреев: 1990–1996, 1, 355]. Войдя в рощу, герои попадают в особый мир, который обладает своими временными и пространственными законами. Для них этот лес становится замкнутым пространством, в котором они потерялись и из которого не могут выйти.

Следует отметить, что локус «лес», символизирующий природное (животное) начало, в рассказе противопоставляется локусу «город» – символ цивилизованного начала, и граница между ними условно находится на заставе: «Вот сейчас пройдем этот лесок, а там будет застава и город. 360». В словаре С.И. Ожегова слово «застава» имеет значение «контрольно-пропускного пункта на дороге (при въезде в крупный город)» [Ожегов, 1995; 215]. Однако в рассказе это слово получает дополнительную семантику – границы между двумя мирами: миром цивилизации и миром природной стихии, хаоса. Таким образом, героям, чтобы выбраться из рощи и спастись, нужно найти эту границу, но пространство их не пускает.

Локус «лес» представляет собой в рассказе «Бездна» многокомпонентный образ. По словам В.Ю. Прокофьевой, «как пространственный компонент локус может формировать их подлокусы, репрезентация которых в тексте представляет текстовые лексико-семантические поля локального восприятия пространства человеком» [Прокофьева: 2005, 91]. У Андреева такими лексико-семантическими подлокусами «леса» являются следующие микрокомпоненты: *холм* («На пологом холме, темнела небольшая роща» [Андреев: 1990–1996, 1, 358]), *роща* («вставали рощи и перелески») [Андреев: 1990–1996, 1, 358]), *застава* («Вот сейчас пройдем этот лесок, а там будет застава» [Андреев: 1990–1996, 1, 360]), *овраг* («во все стороны раскидывалось серое поле с низенькой, словно притоптанной травой» [Андреев: 1990–1996, 1, 358]), *бугры* («с глини-

стыми оврагами, буграми и ямами» [Андреев: 1990–1996, 1, 358]), поле («во все стороны раскидывалось серое поле» [Андреев: 1990–1996, 1, 356]), или «чувствовали угрюмую враждебность изрытого поля» [Андреев: 1990–1996, 1, 357]), *поляна* (место, где происходит кульминация первой части – столкновение с тремя мужчинами), ямы («ям было много, глубоких, отвесных и маленьких, поросших ползучей травой» [Андреев: 1990–1996, 1, 387]), ров (Немовецкого бросают в ров), канава («Дорогу пересекла канава с пыльными, обвалившимися от ходьбы краями» [Андреев: 1990–1996, 1, 356]). Эти компоненты представляет собой «единицу ассоциативного отражения действительности, которая реализуется с помощью тропов и обладает психической реальностью, т.е. способностью вызывать чувственно-мыслительные представления» [Артюнова 1998 с. 318].

Кроме того, локус «лес» взаимодействует с другим локусом – «дорога» (тропинка). Дополняя друг друга, они представляют собой смешанный локус, поэтому ряд подлокусов становятся общими компонентами, так как ассоциируются и с движением (дорога – «полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения» [Ожегов, 1995; 171]), и с пространством. Такими подлокусами являются овраг, бугры, ямы, ров, канава.

В семантическое поле локуса «дорога» попадает и образ «телеги», который в сознании Зиночки ассоциируется с бесконечностью («Это как будто телеги. Стоит одна телега, другая, третья, и так далеко, без конца, все телеги, телеги [Андреев: 1990–1996, 1, 360]).

Следует отметить, что значение лексико-семантических компонентов локуса «лес» в рассказе Андреева включает преимущественно слова с отрицательной коннотацией. Канавы, ров, ямы, овраги, бугры – становятся символами не только препятствий, трудностей на их пути, который ассоциируется также и с их жизненным путем, но и символом нравственного падения. Даже нейтральные, казалось бы, понятия в локусе «лес» получают отрицательную семантику. Например, *тропинка* выводит их к незнакомцам, *поле* предстает враждебным, на *поляне* они встречают трех пьяных мужчин.

Многочисленные компоненты локуса «лес» в рассказе «Бездна» в текстовых лексико-семантических полях имеют свою иерархию: одни являются ядерными (роща, поляна), другие – околядерными (поле, ров, канава, ямы и др.), третьи – периферийными (застава) (по определению В.Ю. Прокофьевой).

Семантика локуса «лес» у Андреева меняется в зависимости от времени суток. Днем, когда светит солнце, лес приобретает коннотацию райского сада, где герои чувствуют гармонию с миром, и их мысли устремлены к красоте, чистоте и бессмертной любви («сквозь ветви деревьев красным раскаленным углем пылало солнце, зажигало воздух и весь его превращало в огненную золотистую пыль» [Андреев: 1990–1996, 1, 356]. Их путь ассоциируется с дорогой к счастью, к духовному просветлению. Даже их тени гармонично сливаются в одно целое: «тени, смешные от маленьких головок, то отдельно двигались впереди, то сбоку сливались в одну узкую и длинную, как тень тополя, полосу» [Андреев: 1990–1996, 1, 365].

Ночью лес превращается в место нравственного падения: «вырастали темные фигуры оборванных грязных женщин, словно их выбрасывали на поверхность глубокие, неизвестно зачем выкопанные ямы». Ночь – это время, когда просыпаются страсти, порочное, телесное, темное в человеке, и лес ассоциируется с адом, куда человек стремительно падает. Не случайно, Андреев подчеркивает звериное начало в образах мужчин на поляне: «Краснощекий, оплывший, приподнялся на локти, потом нерешительно, как медведь, оперся на лапы и встал, тяжело вздохнув [Андреев: 1990–1996, 1, 361] или «три пары глаз темнели неподвижно и страшно» (ассоциация со стаей голодных волков) [Андреев: 1990–1996, 1, 361].

Нападавшие на Немовецкого незнакомцы бросают его в ров («А потом Немовецкий ощутил вокруг себя пустоту, с замиранием сердца понесся куда-то вниз, гохнул всем телом, ударившись о землю, – и потерял сознание» [Андреев: 1990–1996, 1, 363]), который символизирует ад, из которого он выходит уже падшим, грешным, от осознания своей вины в том, что не смог уберечь Зиночку.

Образ рва в рассказе восходит к библейскому образу бездны. В «Священном Писании» в образах «бездны» и «глубин» выражается предупреждение об опасности, связанной с хаосом, злом и смертью. «Бездна» в Библии – один из основных негативных образов, то есть место или расположение души, которого следует всячески избегать, но которого в полной мере избежать не в состоянии никто» [Словарь библейских образов].

По контрасту выстраивается и пространство мыслей героев: идеальное, чистое, радостное прошлое («И воспоминания были светлые, озаренные солнцем, зеленой листвой, любовью и смехом» [Андреев: 1990–1996, 1, 356]) и страшное реальное («Теперь они говорили о тех страшных чувствах и мыслях, которые посещают человека ночью, когда он не спит, ... и то, как тьма широкое и многоглазое, что есть жизнь, плотно прижимается к самому его лицу» [Андреев: 1990–1996, 1, 358]).

Влияние этого разрушительного начала ночи такое сильное, что Немовецкий превращается в животное: «Он ... искал помощи у окружающего леса и тьмы, но лес и тьма не давали ее. Здесь было пиршество зверей, и, внезапно отброшенный по ту сторону человеческой, понятной и простой жизни, он обонял жгучее сладострастие, разлитое в воздухе, и расширил ноздри» [Андреев: 1990–1996, 1, 367].

Не случайно, он повторяет Зиночке практически те же слова, что и один их нападавших на них. Сравните: «Это я! Я! – бессмысленно повторял он (Немовецкий)» / – «И я! И я! – кричал рыжий». Сам Андреев так прокомментировал падение героя: «Можно быть идеалистом, верить в человека и конечное торжество добра, и с полным отрицанием относиться к тому современному двухному существу без перьев, которое овладело только внешними формами культуры, а по существу в значительной доле своих инстинктов и побуждений осталось животным <...> Чтобы идти вперед, чаще оглядывайтесь назад, ибо иначе вы забудете, откуда вы вышли и куда нужно вам идти <...> Пусть ваша любовь будет так же чиста, как и ваши речи о ней, перестаньте травить человека и немилосердно травите зверя. Путь впереди намечен людьми-героями. По их сле-

дам, орошенным их мученической кровью, их слезами, их потом, должны идти люди – и тогда не страшен будет зверь. Ведь все звери боятся света» [Курьер», 1902, №27, 27 января].

Таким образом, локус «лес» в рассказе Андреева отличается многокомпонентностью, предстает как замкнутое пространство, из которого нет выхода, и которое разрушает человека, пробуждая в его душе порочное, низменное.

Список литературы

1. Андреев Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т. / Л.Н. Андреев. – М.: Художественная литература, 1990–1996.

2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – XV, 895 с.

3. Газета «Курьер». – 1902. – №27. – 27 января.

4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: АЗЪ, 1995. – 908 с.

5. Прокофьева В.Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы / В.Ю. Прокофьева // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2005. – №11. – С. 87–94.

6. Словарь библейских образов / под общ. ред. Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана. – СПб.: Библия для всех, 2005, ГУП Тип. Наука. – 1423 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/127>